

ЭСТЕТИКА

Научная статья

УДК 7.01

doi: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-1-66-81

НОМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА

А.В. Нехаев

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», 625003, ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень, Россия

ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет», 644050, пр. Мира, д. 11, г. Омск, Россия

Аннотация. В статье представлена критика эстетического реализма. Ядро данной теории составляют три тезиса: (ЭР) эстетические свойства являются источниками эстетического опыта; (ПЗ) перцептивное знакомство с объектами эстетической оценки служит условием *sine qua non* для вынесения суждения; (ДМ) эстетические свойства поддаются описанию. Аргументы неразрешимых разногласий, *esse is percipi* и зомби искусства ставят под сомнение тезисы (ЭР) и (ДМ). На основе этой критики предлагается альтернативная номиналистическая теория эстетического опыта, в которой перцептивные свойства объекта рассматриваются как достаточные условия эстетического опыта.

Ключевые слова: эстетический реализм, эстетическое свойство, эстетический опыт, эстетическое свидетельство, принцип знакомства, зомби искусство

AESTHETICS

Original article

NOMINALIST THEORY OF AESTHETIC EXPERIENCE

A.V. Nekhaev

University of Tyumen, 625003, 6 Volodarskogo Street, Tyumen, Russia

Omsk State Technical University, 644050, Prosp. Mira, 11, Omsk, Russia

Abstract. The article presents a critique of aesthetic realism. The core of this theory contains three theses: (AR) aesthetic properties are the sources of aesthetic experience; (PA) perceptual acquaintance with the objects of aesthetic evaluation

©А.В. Нехаев, 2023

is a *sine qua non* condition for making an judgment; (DM) aesthetic properties are describable. Arguments of faultless disagreement, *esse is percipi*, and zombie art cast doubt on theses (AR) and (DM). Based on this critique, an alternative nominalist theory of aesthetic experience is proposed, in which the perceptual properties of the object are considered as sufficient condition of aesthetic experience.

Keywords: aesthetic realism, aesthetic property, aesthetic experience, aesthetic testimony, acquaintance principle, zombie art

Эстетическая теория пытается подыскать определение тому, что в принципе не может быть надлежащим образом определено.

Моррис Вейц

1. Эстетические свойства и объекты эстетического опыта

Взгляды эстетического реализма на эстетический опыт могут быть выражены в виде следующего простого тезиса:

(ЭР) Объект O в наборе своих свойств содержит некоторое свойство φ , которое является источником эстетического переживания E относительно O .

Классическим примером подобных взглядов служат концепции Монро Бэрдсли [1; 2] и Джеральда Левинсона [3; 4]. Современные образцы эстетического реализма представлены в работах Вида Симонити [5], Инес Мораис [6] и Элизабет Тропман [7]. Свойство φ определяется в этом случае как эстетическое и включается в состав особого подкласса свойств Φ (каждый элемент которого обозначается отдельным термином, например, «красивый», «изящный» и др.). Отсутствие среди свойств объекта O свойств вида Φ означает невозможность испытывать соответствующие эстетические переживания E относительно данного объекта. Поэтому довольно часто (ЭР) позиционируется как метафизическое основание для так называемого «принципа знакомства»:

(ПЗ) Перцептивный опыт непосредственного восприятия объекта O является условием *sine qua non* для вынесения эстетического суждения J относительно O .

Благодаря (ПЗ) ссылки на свойства Φ становятся достаточным основанием для вынесения эстетического суждения J относительно объекта O . Отсутствие опыта непосредственного восприятия объекта, рассматриваемого как источник соответствующего эстетического переживания, в свою очередь, означает невозможность выразить о нем какое-либо релевантное эстетическое суждение.

Интуитивно, (ПЗ) вполне правдоподобен. Было бы довольно странным судить об эстетических достоинствах объекта, опираясь

при этом исключительно на чужой эстетический опыт. Если агент *М* обладает личным опытом восприятия объекта *О*, он вправе заявить: «*О* красив». Однако агент *Н* не вправе делать такой вывод лишь на том основании, что *М* судит об объекте *О* подобным образом. (ПЗ) требует, чтобы агент *Н* приобрел собственный опыт восприятия данного объекта.

Принципы (ЭР) и (ПЗ), если мы рассматриваем их совместно, налагают определенные эпистемологические ограничения на акты приписывания конкретных эстетических свойств объектам:

(ДМ) Правильный анализ объекта *О*, содержащего некоторое свойство *φ* в качестве источника эстетического переживания *Е*, позволяет составить такое описание *D* для *О*, в котором содержание эстетического суждения *J* относительно *О* выглядит оправданным.

Для эстетического реализма (ДМ) исключительно важен, поскольку позволяет сместить эстетические споры с уровня суждений на уровень описаний. Например, нет ничего удивительного в том, чтобы агенты *М* и *Н*, оценивая *Мону Лизу*, признали, что это полотно прекрасно. Их согласие в суждениях будет объяснимо опытом одних и тех же эстетических свойств, которыми обладает это полотно Да Винчи. Но что если между ними все же возникают разногласия в отношении конкретных эстетических свойств? Скажем, закончив осмотр полотна, агент *М* заявляет: «Оно обладает изяществом линий», в то время как агент *Н* не соглашается с ним, считая, что для этих линий скорее характерна грациозность. Благодаря (ДМ) возможные разногласия относительно конкретных эстетических свойств объекта легко устранимы без видимого ущерба для (ЭР). Ведь подобные разногласия — не повод для сомнений в существовании эстетических свойств. Используемые агентами *М* и *Н* термины («изящный» и «грациозный») зависят от индивидуальных различий в чувственности самих этих агентов, а это значит, что их разногласия, в конечном счете, касаются не суждений, а описаний. И даже если сами агенты *М* и *Н* неспособны достичь согласия на уровне партикулярных описаний, основа для их согласия в суждениях относительно полотна Да Винчи, тем не менее, сохраняется благодаря дескриптивным генерализациям большего масштаба¹.

¹ Содержание эстетического суждения *J* («Это прекрасно!») относительно объекта *О* (*Мона Лиза*) может быть вполне оправданным в рамках более чем одного описания *D* (D_M «Для этого полотна характерно изящество линий», D_H «Для этого полотна характерна грациозность линий» и др.) [3, 352; 4, 335; 6, 87–88; 8, 308]. Но (ДМ) не означает признания равноценности любых возможных описаний *D*, оправдывающих одно и то же суждение *J* относительно объекта *О*. Споры между агентами по поводу предлагаемых ими описаний не исключают ошибок с

И все же, несмотря на всю свою привлекательность, (ДМ) не может полностью исключить так называемые «безошибочные» разногласия (*faultless disagreement*) в суждениях агентов, по крайней мере, в случаях, когда их споры достигают пределов дескриптивной генерализации. Представим себе ситуацию, когда после тщательного осмотра *Моны Лизы* агент *М* заявляет: «Эта картина — красивая». Агент *Н* не соглашается с ним, делая противоположное заявление: «Эта картина — некрасивая». Очевидно, что в этой ситуации разногласия между агентами не являются простым спором о том, какое именно описание *D* для этого полотна следовало бы предпочесть в качестве оправдания для сделанных ими суждений. Спор между агентами *М* и *Н* является примером разногласий в суждениях, для которых характерно следующее [9, 53–54; 10, 267]:

(FD1) агент *М* делает в отношении объекта *O* суждение *J*, в то время как агент *Н* делает относительно того же самого объекта суждение *не-J*;

(FD2) агенты *М* и *Н* не совершают никакой ошибки (в том смысле, что ни один из них не утверждает нечто заведомо ложное, оба агента имели достаточно времени, чтобы внимательно ознакомиться с объектом *O*, и нет ничего такого, что им следовало бы дополнительно знать о нем и что могло бы заставить их отказаться от своего первоначального суждения об этом объекте *O*).

Принцип (ЭР) делает подобные разногласия невозможными [6, 12; 7, 62; 10, 275–276]. Существование свойств Φ означает, что в нашем мире должны быть соответствующие эстетические истины или факты об экземплярах того или иного эстетического свойства φ (красивый, изящный и др.). И все такие истины объективны в том смысле, что никак не связаны с эстетическими переживаниями *E*, которые кто-либо из реальных (либо воображаемых) агентов мог бы иметь в собственном опыте непосредственного восприятия объекта *O*, рассматриваемого как объект эстетической оценки. Разумеется, красота объекта *O* может стать для агентов источником соответствующих переживаний (например, испытываемых ими в моменты его созерцания приятных ощущений), однако не сами эти переживания агентов делают *O* красивым, он является таковым из-за наличия у него эстетического свойства φ . Объект *O* инстанцирует эстетическое свойство φ независимым от эстетических реакций агентов образом.

их стороны. Обнаружение таких ошибок, — скажем, когда агент *М* в результате дополнительного осмотра *Мон Лиз* в условиях с другим освещением и перспективой приходит к заключению о том, что линии на этом полотне скорее грациозны, нежели изящны, — становится для агента *М* достаточным основанием для замены прежнего описания (D_M) более точным (D_H).

Принцип (ЭР) позволяет блокировать условие (FD2)². В примере «безошибочного» разногласия относительно эстетических достоинств *Мон Лиз* один из агентов — либо *М*, либо *Н* — делает ложное суждение. Чтобы в этом убедиться, достаточно применить два простых правила вывода:

(R1) Для каждого суждения *J*, атрибутирующего некоторое свойство φ определенному объекту *O*, верно либо *J*, либо *не-J*;

(R2) Каждый существующий объект *O* либо инстанцирует, либо *не* инстанцирует некоторое свойство φ .

Принципы (R1) и (R2) совместимы при условии, что *не φ* \equiv *не- φ* . Допустим, что соответствующий эстетический факт устанавливает ложность суждения агента *М* «Эта картина — красивая». Согласно (R1), его ложность влечет за собой истинность суждения «Эта картина *не* является красивой». Согласно (R2), истинность последнего ведет к истинности суждения агента *Н* «Эта картина — некрасивая». И наоборот, если известен соответствующий эстетический факт, устанавливающий ложность суждения агента *Н* «Эта картина — некрасивая», то из этого, согласно (R1), мы выводим истинность суждения «Эта картина *не* является некрасивой», которая, в свою очередь, согласно (R2), влечет за собой истинность суждения агента *Н* «Эта картина — красивая». Так что на самом деле в суждениях агентов *М* и *Н* об эстетических достоинствах *Моны Лизы* нет «безошибочного» разногласия. Их спор не более чем простое разногласие (*merely faultful disagreement*), хорошо знакомое нам по примерам ошибочных суждений об эмпирических фактах³.

Тем не менее я считаю такое решение ложным, поскольку оно вступает в конфликт с одной очень сильной интуицией, а именно с

² Альтернативная стратегия борьбы с «безошибочными» разногласиями предполагает блокировку условия (FD1). Она характерна, в частности, для эстетического экспрессивизма [11]. Эстетические термины («красивый», «изящный» и др.) рассматриваются здесь исключительно как средства выражения эмоций и настроений агентов. Спор относительно эстетических достоинств *Моны Лизы* не является примером реального разногласия. И в этом не трудно убедиться, если перевести заявления агентов *М* и *Н* в соответствующие их эмоциональным значениям формы («Ура! Эта картина мне приятна <красивая>» и «Фу! Эта картина мне неприятна <некрасивая>»).

³ Эстетический реализм готов признать подобное разногласие «безошибочным», но только в том смысле, что сам агент может быть невиновным в приобретении им ложного убеждения об объекте *O* (в ситуациях иллюзорного перцептивного опыта, когда ложное убеждение агента относительно *O* формируется как результат должных реакций на восприятие им этого объекта в опыте от первого лица, либо когда агент имеет определенные врожденные дефекты чувственности, скажем, дальтонизм и т.д.).

представлением об автономии нашего эстетического опыта. Между эстетическими спорами и простыми разногласиями в суждениях относительно конкретных характеристик перцептивного опыта есть существенное различие. Свидетельства со стороны других агентов являются разумными оправданиями для изменений в суждениях о нашем собственном перцептивном опыте. Например, если агент *М*, осмотрев помидор, заявляет, что он красный, тогда как остальные агенты судят о нем как о коричневом, их свидетельства могут стать достаточной причиной для того, чтобы агент *М* изменил свое первоначальное суждение о цвете данного помидора. В случаях эстетических споров ситуация иная. Предположим, после внимательного осмотра *Автопортрета хулигана* агент *Н* заявляет: «Картина Баския — прекрасна». Остальные агенты, знакомые с творчеством этого художника, придерживаются прямо противоположного суждения. Они считают, что данная картина всего лишь безобразная ярко-зеленая мазня. Разумным ли было бы для агента *Н* в такой ситуации изменить свое первоначальное суждение? Думается, что нет. Агент *Н* не может оправданным для себя образом отказаться от своего первоначального суждения просто лишь на том основании, что остальные агенты с ним несогласны [12, 217–218; 13, 227].

Интуиция в отношении автономии эстетического опыта, я думаю, верна. Обычно мы не меняем своих суждений в эстетических вопросах, если нет никаких существенных изменений в наших реакциях на объекты эстетической оценки⁴. Поэтому неразрешимые разногласия в вопросах оценки эстетических достоинств объекта *О* (в виде наличия у агентов обоснованных, но несовместимых суждений относительно его эстетических достоинств) для нас практически неизбежны. Многие скептики в отношении эстетических свойств используют следующий аргумент [9, 58–59; 15, 31; 16, 28–29; 17, 378; 18, 75]:

(AS1) Факты существования свойств *Ф* несовместимы с фактами неразрешимых эстетических разногласий (в смысле условий (FD1) и (FD2)).

⁴ В противном случае не казались бы столь странными заявления агента *К*, сделанные им от первого лица: «*Мона Лиза* — невероятно красивое полотно; очень жалко, что я никогда не созерцал его воочию» или «*Автопортрет хулигана* — просто великолепен, ко крайней мере, мне так сказали». Принцип (ПЗ), по всей видимости, требует того, чтобы разговорная импликатура наших эстетических заявлений по умолчанию предполагала ссылки на опыт личного знакомства с теми объектами, об эстетических достоинствах которых мы взялись судить [14, 21–23]. Правда, в распоряжении эстетического реализма имеются некоторые ресурсы для сопротивления подобным выводам [5, 1447–1449].

(AS2) Актуальные эстетические суждения агентов («О красив» и «О некрасив») демонстрируют нам примеры неразрешимых эстетических разногласий.

∴ (AS3) Никаких свойств Φ не существует.

Аргумент (AS1)–(AS3) показывает, что привычная вера в существование эстетических свойств ошибочна и нам не следует включать свойства Φ в онтологию нашего мира. Однако для борьбы с эстетическим реализмом одного этого аргумента недостаточно. При определенных условиях принцип (ЭР) может оказаться вполне совместим с посылкой (AS2), лишая тем самым вывод скептиков (AS3) львиной доли его убедительности. Например, если обратиться к грамматике эстетического суждения «О красивый», мы заметим, что она ничем не отличается от грамматики обычных суждений о перцептивных свойствах, вроде «О красный». Очевидно, что не всякий объект перцептивного опыта удовлетворяет предикат «красный», равно как и не всякий объект эстетической оценки удовлетворяет предикат «красивый». Каждый из этих предикатов истинен для одних объектов и ложен для других. И кажется, что суждения «О красивый» и «О некрасивый», подобно суждениям «О красный» и «О не красный», не содержат неразрешимого разногласия. Но что если теперь воспользоваться аналогией с другим сортом предикатов, которые также обозначают реальные свойства? Предположим, агент *M* делает суждение, что агент *K* лысый. Агент *N* не соглашается, напротив, он считает, что агент *K* не лысый. С одной стороны, очевидно, что некоторые агенты в нашем мире действительно лысые, а некоторые — нет; с другой стороны, из этого наблюдения не следует, что среди оцениваемых агентов нам не может встретиться некоторый пограничный случай, вроде агента *K*, для которого просто невозможно определить, является ли он лысым на самом деле или нет. Неопределенность предиката «лысый» позволяет таким суждениям, как «агент *K* лысый» и «агент *K* не лысый», служить примером неразрешимого разногласия, который, тем не менее, не отрицает существование свойства быть лысым. Аналогичным образом можно было бы утверждать, что существование свойств Φ вполне совместимо с неразрешимыми эстетическими разногласиями из-за проблем в самих эстетических предикатах («красивый», «изящный» и др.). Так что, если мы хотим сохранить реализм в отношении перцептивных свойств (красный, круглый, лысый и др.), исключив из онтологии нашего мира свойства Φ , нам необходимо объяснить различия в практике приписывания этих свойств («О красивый», «О красный», «О лысый» и др.).

2. Эстетические суждения и природа эстетического опыта

Если мы зададимся чисто кантовским вопросом (В1) «Что делает наш опыт эстетическим?», первое, что обращает на себя внимание, (В1) имеет множество синтаксических аналогов в форме вопросов о перцептивных свойствах объектов нашего восприятия:

(В2) Что делает помидор красным?

(В3) Что делает этот цвет красным?

(В4) Что делает этот красный — красным?

Кажется, столь очевидная аналогия должна оправдывать принцип (ЭР). В нашем опыте восприятия объекта *O* действительно должно быть нечто, некоторое особое свойство ϕ (красивый, изящный, грациозный и др.), способное модифицировать феноменологию нашего переживания *E* в состояние, обозначаемое термином «эстетический опыт»⁵. Однако это было бы ошибкой.

Вопрос о помидоре (В2) имеет смысл, если и только если мы спрашиваем о том изменении, которое может произойти с помидором в отношении его окраски. Атрибутируя помидору цвет, мы спрашиваем о фактической причине, по которой он стал красным, явно или неявно подразумевая, что он может быть и зеленым, и желтым, и даже коричневым (скажем, если мы позволим ему сгнить). Вопрос об опыте (В1) имеет иной характер. Опыт — не помидор, он не может терять свои характерные черты, данные нам в переживаниях, либо приобретать некие новые, не данные нам в переживаниях. Согласно знаменитой формуле Беркли *esse is principi*, нет никакого воображаемого опыта, есть только опыт актуальный, кем-то конкретным переживаемый [19, 172]. Верно, что разные опыты могут различаться своим содержанием, но делать из этого обстоятельства вывод, что существует некий опыт, который мог бы быть иным, чем он есть, было бы, по мнению Беркли, категориальной ошибкой. Это значит, что данные нам в опыте переживания не подлежат никаким изменениям, и аналогия между вопросом об опыте (В1) и вопросом о помидоре (В2) является ложной.

А как насчет аналогии с вопросами о цвете (В3) и (В4)? В отличие от термина «помидор», термины «цвет» и «красный» обозначают не объекты, они являются именами классов свойств, либо отдельных

⁵ Реалисты в отношении перцептивных свойств, например, приходят к аналогичным выводам. Они считают, что в ситуациях, когда наш опыт восприятия объекта *O* содержит переживания чего-то красного, мы имеем хорошие основания, чтобы верить, что *O* действительно красный. Свойство быть красным требуется, чтобы объяснить значение соответствующих переживаний. Защитники эстетического реализма тоже довольно часто апеллируют к свойствам Φ как лучшим объяснениям природы нашего эстетического опыта [3, 352; 4, 319; 5, 1449].

свойств, инстанцируемых конкретными объектами (помидорами, огурцами, картинами и др.). По этой причине вопросы (В3) и (В4) требуют не атрибуции свойств объектам, а их экземплификации. В отличие от вопроса о помидоре (В2), здесь от нас требуется пояснить само понятие красного. Мы должны указать, что выделяет красный из остальных цветов. Для этого нам следует отделить красный цвет от объекта, который его инстанцирует (например, от помидора), чтобы затем сравнить его с другим цветом, который мы также отделили от соответствующего объекта (допустим, от огурца). Мы знаем, что понятие цвета логически независимо от объектов, к которым оно применимо. Помидоры не бывают вечно красными, а значит, они и не инстанцируют данный цвет логически необходимым образом. Быть красным — контингентное для помидора свойство. Именно поэтому мы в состоянии отличить и отделить данный цвет от самого объекта. И если это так, то очевидно, что и сами различия между цветами, на которые нас просят указать в вопросах (В3) и (В4), должны быть логически независимы от различий в соответствующих объектах. Различие между красным и зеленым, например, не детерминировано различием между помидорами и огурцами, к которым данные цвета применимы. Чтобы понять, что такое красный или зеленый цвет, нам достаточно иметь представление о любых красных или зеленых объектах, а не быть знакомыми с какими-то конкретными объектами, вроде помидоров или огурцов.

Кажется, что вопрос об опыте (В1) просит нас сделать то же самое — указать на характерную особенность, которая выделяет эстетические переживания среди других сортов нашего опыта (созерцания помидоров, поедания помидоров и т.д.). Как и в вопросах (В3) и (В4) здесь необходимо пояснить понятие эстетического опыта. Для этого мы должны отделить эстетические переживания от объектов эстетической оценки и затем сравнить их с другими сортами опыта, которые также отделены от своих объектов. Проблема, однако, в том, что понятие эстетического опыта как элемент логического синтаксиса работает иначе, чем понятие цвета. Термины эстетического словаря обозначают не подкласс свойств Φ , а скорее класс объектов, каждый из которых вполне конкретен (*Мона Лиза*, *Автопортрет хулигана*). Следовательно, эстетический опыт не может быть пережит и понят нами изолированно от соответствующих объектов. В терминах цвета референция не распределена, поэтому и знакомство с цветом не требует разнообразия в объектах. Правильное применение термина «красный» к объекту O требует только того, чтобы O был красного цвета, а не того, чтобы O обязательно был помидором. В терминах же эстетического словаря, напротив,

референция распределена по объектам. В логическом смысле такие термины подобны именам собственным, их правильное применение невозможно без ссылок на личное знакомство с конкретными объектами как источниками эстетических переживаний. Поэтому в ответ на вопрос об эстетическом опыте (В1) лучшее, что мы можем сделать — дать «попробовать» на вкус вопрошающему тот самый объект, который стал для нас источником соответствующих эстетических переживаний [12, 218]. Например, поставить вопрошающего перед полотном *Моны Лизы*, которое мы называем «красивым» в надежде, что его переживания будут подобны нашим. Вопросы об именах собственных («Почему красивое красиво?», «Почему Джорджа зовут Джордж?» и др.) не имеют никаких других ответов, кроме остенсивного жеста, указывающего на объект, которому данное имя принадлежит.

Формула Беркли *esse is percipi* содержит убедительные объяснения семантических различий в примерах эстетических суждений («О красивый») и практиках приписывания перцептивных свойств («О красный»)⁶:

(EIP1) Правильное применение терминов эстетического словаря («красивый» и др.) невозможно без ссылок на личное знакомство с конкретными объектами эстетической оценки O1, O2, ..., O_n.

∴ (EIP2) Термины эстетического словаря являются терминами с распределенной референцией.

∴ (EIP3) Термины эстетического словаря являются не предикатами (как термины «красный» или «круглый»), а именами собственными («красивый1», «красивый2», ..., «красивыйn») объектов эстетической оценки O1, O2, ..., O_n, которые агенты используют в своих эстетических суждениях для указания на эти объекты как источники своих эстетических переживаний.

Аргумент (EIP1)–(EIP3) хорошо согласуется с нашей интуицией об автономии эстетического опыта, демонстрируя нам, что (ПЗ) не требует принятия (ЭР) и (ДМ). (ПЗ) является верным на независимом основании.

Отказ от (ЭР) означает исключение из онтологии нашего мира свойств Φ. Но как возможен эстетический опыт в мире, где нет эстетических свойств? Что тогда является источниками эстетиче-

⁶ Похожий металингвистический аргумент, в частности, содержится в работе Кингсли [20]. Метафизическая интерпретация формулы Беркли *esse is percipi* может быть представлена в виде следующего аргумента: (EIP1*) E (эстетическое переживание) не может быть частью объекта O (невоспринимающей вещи); (EIP2*) Ничто не может быть подобно E, кроме самого E; (EIP3*) Следовательно, ничего подобного E (вроде эстетического свойства φ) не может быть частью O (ср. с этим: [21, 67–70]).

ских переживаний *E*? Разобраться в этом вопросе помогут примеры «зомби искусства» — артобъектов, которые получили серьезные физические повреждения и были изъяты из музеев и галерей как не представляющие никакой эстетической ценности [22, 64].

Принцип (ЭР) при определенных условиях предполагает истинность утверждения «перцептивный объект \neq эстетический объект». Присуждение объекту *O* эстетического статуса отличается от простой способности агента видеть *O* и распознавать его отдельные материальные составляющие. Такой объект должен быть составлен из набора свойств Φ , полностью независимых от инстанцируемых объектом *O* «грубых» перцептивных свойств подкласса Σ (красный, квадратный и др.). Если бы (ЭР) был верным принципом, мы были бы обязаны принять крайне неправдоподобное заключение о том, что примеры «зомби искусства» являются для нас источниками идентичных по своей силе и качеств эстетических переживаний наравне с неповрежденными артобъектами. Но это абсурдно! Представим себе, что вандал облил кислотой *Мону Лизу* и она получила существенные повреждения. В такой ситуации было бы весьма странным заявление агента *M*, что его эстетические переживания *E*, после осмотра этого теперь уже поврежденного полотна, остались прежними. Агент *M* не может не признать, что вид неповрежденного полотна Да Винчи был источником несравнимо более ярких и интенсивных эстетических переживаний. Поэтому принцип (ЭР) ложен, и мы должны принять истинность утверждения «перцептивный объект = эстетический объект» [23, 60–61]:

(ZA1) Если принцип (ЭР) верен, объект эстетической оценки *O* состоит из свойств Φ , которые агенты переживают в своем опыте независимо от его «грубых» перцептивных свойств Σ .

(ZA2) Примеры «зомби искусства» демонстрируют, что изменения в свойствах Σ , инстанцируемых объектом эстетической оценки *O*, служат причинами соответствующих изменений в эстетических переживаниях агентов.

∴ (ZA3) Принцип (ЭР) ложен. Никаких свойств Φ не существует.

Аргумент (ZA1)–(ZA3) демонстрирует, что исключение из онтологии нашего мира свойств Φ вовсе не требует отрицать реальность эстетического опыта. Благодаря свойствам Σ агенты сохраняют свои способности испытывать в опыте восприятия объекта *O* соответствующие эстетические переживания *E*.

3. De gustibus disputandum est?

Аргументы (AS1)–(AS3), (EIP1)–(EIP3) и (ZA1)–(ZA3) показывают ложность (ЭР) и (ДМ) и одновременно выступают доводами про

tanto в пользу эстетического номинализма, ядром которого служит следующий тезис:

(ЭН) Всякое эстетическое суждение J относительно объекта O основано на ошибке — попытке атрибутировать O (как источнику эстетических переживаний E) несуществующее свойство φ (красивый, изящный и др.)⁷.

Поскольку эстетические суждения J содержат в себе систематические ошибки из-за ссылок на то, что не существует, а именно на свойства вида Φ , неразрешимые эстетические споры являются примерами «слишком ошибочных» разногласий (overfaultful disagreement). Например, оба агента M и N ошибаются даже несмотря на то, что они придерживаются в споре, казалось бы, противоположных оценок эстетических достоинств *Моны Лизы*. Согласно (ЭН), оба их заявления «Эта картина — красивая» и «Эта картина — некрасивая» ложные.

Кажется, что (ЭН) содержит семантический парадокс. Рассмотрим, например, следующие суждения:

- (1) Нынешний король Франции лыс.
- (1*) Нынешний король Франции *не* лыс.
- (2) Мейясу бессмертен.
- (2*) Мейясу смертен.

Существует важное различие между суждениями (1), которые приписывают существующие свойства несуществующим объектам, и суждениями (2), которые приписывают несуществующие свойства существующим объектам. В примерах суждений вида (1) очевидно, что само это суждение (1) и его отрицание (1*) ложны. Примеры суждений вида (2) иные: применяя правила вывода (R1) и (R2), нетрудно установить, что суждение (2) ложно, а его отрицание (2*) истинно.

Рассмотрим теперь эстетические суждения агентов M и N :

- (M) O является красивым. (M*) O не является красивым.
- (N) O является некрасивым. (N*) O не является некрасивым.

Суждение (M) приписывает O свойство быть красивым, но свойств вида Φ не существует, следовательно, (M) ложно. Согласно (R1), ложность (M) влечет за собой истинность (M*). Согласно (R2), истинность (M*) влечет за собой истинность (N). Но ведь (N) припи-

⁷ В известном смысле эстетический номинализм является разновидностью теории ошибок Мэкки, специально модифицированной под анализ эстетических свойств [24, 15]. По аналогии с аргументом «странности» [24, 38–42] можно утверждать, что, если бы такие свойства действительно существовали, они были бы довольно странными на фоне свойств вида Σ . Реальное свойство должно было бы восприниматься нами с гораздо большей регулярностью [16, 30].

сывает O свойство вида Φ — быть *некрасивым*. А значит, (H) должно быть истинным и ложным одновременно! Верным также было бы и обратное заключение. Суждение (H) приписывает O свойство быть *некрасивым*, но свойств вида Φ не существует, следовательно, (H) ложно. Согласно $(R1)$, ложность (H) влечет за собой истинность (H^*) . Согласно $(R2)$, истинность (H^*) влечет за собой истинность (M) . Однако (M) приписывает O свойство вида Φ — быть *красивым*. А значит, (M) должно быть истинным и ложным одновременно!

На самом деле здесь нет никакого парадокса. Дело в том, что правило $(R2)$ в примерах приписывания несуществующих свойств неприменимо, так как условие $ne\ \varphi \equiv ne\text{-}\varphi$ не соблюдается⁸. Истинность (M^*) не влечет за собой истинность (H) , равно как истинность (H^*) не влечет за собой истинность (M) . В примерах приписывания несуществующих свойств, вроде свойств Φ , необходимо проводить строгое различие между суждениями, атрибутирующими O подобные свойства (« O красивый» и « O некрасивый»), которые всегда ложны, и суждениями, просто отрицающими их наличие в O (« O не является красивым» и « O не является *некрасивым*»), которые всегда истинны. В противном случае правило $(R2)$ требовало бы при решении эстетических споров делать крайне неправдоподобные заключения, вроде следующего: «*Всякий объект эстетической оценки O либо красив, либо некрасив*».

Достоинством эстетического номинализма является и модернизированный при помощи аргумента $(ZA1)$ – $(ZA3)$ эквивалент «принципа знакомства»:

(ПЗ*) Перцептивный опыт непосредственного восприятия в объекте O свойств вида Σ является достаточным условием для эстетического переживания E относительно O .

Принцип (ПЗ*) не исключает возможности знакомства с объектами эстетической оценки благодаря так называемым «эстетическим суррогатам» (репродукциям, репликам, копиям и даже искусным подделкам) [26, 264]:

(ЭС) Объект O^* является эстетическим суррогатом объекта O , если и только если O^* содержит достаточное количество свойств, качественно идентичных «грубым» перцептивным свойствам O .

Свойства вида Σ — это все, что нам нужно, чтобы пережить эстетический опыт. Однако следует понимать, что мы не способны дать соответствующие описания подобных переживаний [27, 49]:

⁸ Б. Штрюмер и Д. Водак предложили формальный аргумент, успешно блокирующий подобного рода возражения [25].

(ПН) Эстетическое переживания *E* относительно объекта *O* невыразимо. Метафизически невозможно существование лингвистической единицы *P* (например, предложения либо пропозиции), содержание которой способно было бы служить нетривиальным описанием *E*⁹.

Невыразимость содержания эстетического опыта является неотъемлемой его особенностью. Всякое эстетическое переживание *E* есть лишь исключительно субъективное ощущение и, видимо, единственное из ощущений, которое нельзя соединить с каким-либо понятием так, чтобы получить представление об объекте эстетического опыта либо о состояниях самого агента, переживающего подобного рода опыт. Эстетические суждения никогда не достигают понятия. Именование объектов эстетического опыта — это, видимо, все, на что мы способны в своих разговорах о нем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Beardsley M.C.* What is aesthetic quality? // *Theoria*. 1973. Vol. 39, N 1/3. P. 50–70.
2. *Beardsley M.C.* The descriptivist account of aesthetic attributions // *Revue Internationale de Philosophie*. 1974. Vol. 28, N 109(3). P. 336–352.
3. *Levinson J.* Being realistic about aesthetic properties // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1994. Vol. 52, N 3. P. 351–354.
4. *Levinson J.* Aesthetic properties, evaluative force, and differences of sensibility // *Contemplating art: Essays in aesthetics*. Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 315–335.
5. *Simoniti V.* Aesthetic properties as powers // *European Journal of Philosophy*. 2017. Vol. 25, N 4. P. 1434–1453.
6. *Morais I.* Aesthetic realism. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 146 p.
7. *Tropman E.* How to be an aesthetic realist // *Ratio*. 2022. Vol. 35, N 1. P. 61–70.
8. *Spackman J.* Expressiveness, ineffability, and nonconceptuality // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 2012. Vol. 70, N 3. P. 303–314.
9. *Kölbel M.* Faultless disagreement // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 2004. Vol. 104, N 1. P. 53–73.
10. *Schafer K.* Faultless disagreement and aesthetic realism // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2011. Vol. 82, N 2. P. 265–286.
11. *Clapp L.* A Non-alethic approach to faultless disagreement // *Dialectica*. 2015. Vol. 69, N 4. P. 517–550.
12. *Кант И.* Критика способности суждения. СПб.: Наука, 2001. 512 с.
13. *Hopkins R.* Beauty and testimony // *Royal Institute of Philosophy Supplement*. 2000. Vol. 47. P. 209–236.

⁹ Нетривиальным в том смысле, что оно не было бы простым описанием перцептивного опыта восприятия свойств вида Σ (вроде заявления агента от первого лица: «Когда я смотрю на *Мону Лизу*, я вижу расположенные на плотне цветовой пятна таким-то и таким-то образом»). Также нам следовало бы исключить и такой тип тривиальных толкований (ПН), который апеллирует к феноменальным *qualia*, представленным в перцептивном опыте свойств вида Σ . Ведь и так очевидно, что никакое описание не способно передать, скажем, особое качество синевы ИКВ Кляйна. Некоторые защитники эстетического реализма, впрочем, не видят здесь проблемы. Они полагают, что подобное качество можно описать с помощью комбинированного использования демонстративных понятий (этот, сейчас, здесь и др.) и привычных наборов сорталей (красный, синий, зеленый и др.) [8, 309].

14. Hills A. Aesthetic testimony, understanding and virtue // *Noûs*. 2022. Vol. 56, N 1. P. 21–39.
15. Goldman A.H. Realism about aesthetic properties // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1993. Vol. 51, N 1. P. 31–37.
16. Goldman A.H. Aesthetic value. Oxford: Westview Press, 1995. 208 p.
17. Bender J.W. Realism, supervenience, and irresolvable aesthetic disputes // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1996. Vol. 54, N 4. P. 371–381.
18. Bender J.W. Sensitivity, sensibility, and aesthetic realism // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 2001. Vol. 59, N 1. P. 73–83.
19. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1978. С. 149–247.
20. Kingsley P. What makes an experience aesthetic? // *The British Journal of Aesthetics*. 1979. Vol. 19, N 2. P. 131–143.
21. McKim R. Berkeley's notebooks // *The Cambridge Companion to Berkeley* / Ed. K.P. Winkler. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 63–93.
22. Маджид П. От зомби искусства к мертвому искусству // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. Т. 2, № 3. С. 64–69.
23. Нехаев А.В. Искусство=искусство или искусство≠искусство: артобъекты и проблема тождества // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. Т. 2, № 3. С. 59–63.
24. Mackie J.L. Ethics: Inventing right and wrong. Harmondsworth: Penguin Books, 1977. 249 p.
25. Streumer B., Wodak D. Why formal objections to the error theory fail // *Analysis*. 2021. Vol. 81, N 2. P. 254–262.
26. Livingston P. On an apparent truism in aesthetics // *The British Journal of Aesthetics*. 2003. Vol. 43, N 3. P. 260–278.
27. Jonas S. Ineffability and its metaphysics: The unspeakable in art, religion and philosophy. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 226 p.

REFERENCES

1. Beardsley M.C. What Is Aesthetic Quality? *Theoria*. 1973. Vol. 39, N 1/3. P. 50–70.
2. Beardsley M.C. The Descriptivist Account of Aesthetic Attributions. *Revue Internationale de Philosophie*. 1974. Vol. 28, N 109(3). P. 336–352.
3. Levinson J. Being Realistic about Aesthetic Properties. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1994. Vol. 52, N 3. P. 351–354.
4. Levinson J. Aesthetic Properties, Evaluative Force, and Differences of Sensibility. In: *Contemplating Art: Essays in Aesthetics*. Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 315–335.
5. Simoniti V. Aesthetic Properties as Powers. *European Journal of Philosophy*. 2017. Vol. 25, N 4. P. 1434–1453.
6. Morais I. Aesthetic Realism. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 146 p.
7. Tropman E. How to Be an Aesthetic Realist. *Ratio*. 2022. Vol. 35, N 1. P. 61–70.
8. Spackman J. Expressiveness, Ineffability, and Nonconceptuality. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 2012. Vol. 70, N 3. P. 303–314.
9. Kölbel M. Faultless Disagreement. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 2004. Vol. 104, N 1. P. 53–73.
10. Schafer K. Faultless Disagreement and Aesthetic Realism. *Philosophy and Phenomenological Research*. 2011. Vol. 82, N 2. P. 265–286.
11. Clapp L. A Non-Alethic Approach to Faultless Disagreement. *Dialectica*. 2015. Vol. 69, N 4. P. 517–550.
12. Kant I. Kritik sposobnosti suzhdeniya [Critique of Judgment]. St. Petersburg: Nauka, 2001. 512 p. (In Russ.)

13. Hopkins R. Beauty and Testimony. *Royal Institute of Philosophy Supplement*. 2000. Vol. 47. P. 209–236.
14. Hills A. Aesthetic Testimony, Understanding and Virtue. *Noûs*. 2022. Vol. 56, N 1. P. 21–39.
15. Goldman A.H. Realism about Aesthetic Properties. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1993. Vol. 51, N 1. P. 31–37.
16. Goldman A.H. Aesthetic Value. Oxford: Westview Press, 1995. 208 p.
17. Bender J.W. Realism, Supervenience, and Irresolvable Aesthetic Disputes. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1996. Vol. 54, N 4. P. 371–381.
18. Bender J.W. Sensitivity, Sensibility, and Aesthetic Realism. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 2001. Vol. 59, N 1. P. 73–83.
19. Berkeley G. Traktat o printsipakh chelovecheskogo znaniya [A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge]. In: Sochineniya [Essays]. Moscow: Mysl', 1978. P. 149–247. (In Russ.)
20. Kingsley P. What Makes an Experience Aesthetic? *The British Journal of Aesthetics*. 1979. Vol. 19, N. 2. P. 131–143.
21. McKim R. Berkeley's Notebooks. In: *The Cambridge Companion to Berkeley*. Ed. K.P. Winkler. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 63–93.
22. Majeed R. Ot zombi iskusstva k mёрtvomu iskusstvu [From Zombie Art to Dead Art]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2017. Vol. 2, N 3. P. 64–69. (In Russ.)
23. Nekhaev A.V. Iskusstvo=iskusstvo ili iskusstvo≠iskusstvo: artob'yekty i problema tozhdestva [Art=Art or Art≠Art: Art Objects and the Problem of Identity]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2017. Vol. 2, N 3. P. 59–63. (In Russ.)
24. Mackie J.L. Ethics: Inventing Right and Wrong. Harmondsworth: Penguin Books, 1977. 249 p.
25. Streumer B., Wodak D. Why Formal Objections to the Error Theory Fail. *Analysis*. 2021. Vol. 81, N 2. P. 254–262.
26. Livingston P. On an Apparent Truism in Aesthetics. *The British Journal of Aesthetics*. 2003. Vol. 43, N 3. P. 260–278.
27. Jonas S. Ineffability and Its Metaphysics: The Unspeakable in Art, Religion and Philosophy. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 226 p.

Информация об авторе: *Нехаев Андрей Викторович* — доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета; профессор кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета, тел.: +7 (982) 921-50-17; a.v.nekhaev@utmn.ru

Information about the author: *Nekhaev Andrei Viktorovich* — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Tyumen State University; Professor, Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University, tel.: +7 (982) 921-50-17; a.v.nekhaev@utmn.ru

Поступила в редакцию 10.08.2022;
принята к публикации 29.11.2022